

Мужество с иголкой

500 ЛЕТ ПЕРВОМУ ОФОРТУ В ГАЛЕРЕЕ «ШЛЕМ»
поздравляет Кася Попова

ФОНД-МУЗЕЙ графических искусств «Шлем» отмечает серьезный юбилей — 500 лет первому офорту — и чувствует его изобретателя Даниэля Хопфера. С чувством и толком подобранная экспозиция представляет все разнообразие этой наиболее мужественной из графических техник — своего рода Букварь офорта.

По легенде, оружейник Хопфер придумал офорт в процессе декорирования доспехов, протирая выцарапанный на шлеме красивый рисунок — и невзначай получил оттиск. Во всяком случае, самые ранние из известных офортов принадлежат именно ему. Надо признать, что за полковину тысячелетия техника заметно развилась, но технологическая база осталась прежней и сомнительной в смысле охраны и гигиены труда: художник покрывает металлическую

Вохменцев.
«Шаловливый Пан»

Филоненко.
«Мистрааль. Двери»

Вейберт. «Камни серебряного увала»

Сысоев.
«Заводь»

Лазарева.
«Мимолетный взгляд»

пластину лаком, царапает иголкой, травит кислотой, вдыхая не самые полезные испарения, мажет краской — и печатает оттиск.

В тех авторах, что выбирают офорт, есть что-то от подвижников. По моему скромному мнению, усилия, которые автор затрачивает для создания гравюры, не пропадают втуне — а заряжают листы брутальной созидательной энергетикой. Потому этой технике присуща безусловная мужественность и страстная выразительность, сопряженная с глубоким интеллектом. Одним словом, на мой взгляд, офорт — самое подходящее занятие для мифологических титанов вроде Прометея (хотя, если бы ему известен был офорт

— кто знает, а вдруг остались бы люди без огня и вареной пищи).

Фонд-музей графических искусств «Шлем» выставляет свои экспозиции в атриуме Атриум Палас Отеля, среди цветков спатикулумов, в самых подходящих для экспонирования графики условиях. Надо заметить, что в наиболее почетных собраниях, вроде венской Альбертины или Британского музея, еще более сумрачно — графика света не любит. Но, с другой стороны, без света ее не разглядишь — вот и приходится музейщикам искать золотую середину.

Вместе со «Шлемом» пятисотлетний юбилей отмечают 33 художника (кажется, и это былинное число под

черкивает мужественную статью офорта). В частности, московский график Юрий Перевезенцев, чьи работы находятся в коллекциях Третьяковки, Пушкинского, Русского музеев. Его крохотного, примерно 5х5 см, Шопена трудно разыскать в кустах спатикулума, но дело того стоит. Техника Перевезенцева безупречна, легкие линии создают практически акустический эффект: зритель видит не только Шопена с развевающимися волосами, но и, кажется, осязает его музыку, скорее всего, вторую сонату.

Многообразие приемов офорта использовал в своих ранних, 80-х годов, работах екатеринбуржец Владимир Ганзин. Он не только скреб металли-

ческие пластины иголкой — посыпал их сахаром или солью, мазал кистью, смоченной в кислоте... Сочетание лависа, резерважа, акватинты в его листах позволяет одним махом оценить различие выразительных средств. Благодаря такому синтезу, скажем, петербургские каналы Ганзина настолько выразительны, что производят впечатление окна в какую-то параллельную вселенную.

Ганзин использует практически все манеры, кроме разве что самого трудоемкого меццо-тинто, когда гравер бесконечно долго делает доску шероховатой, качая по ее поверхности инструмент-качалку» вроде неваляшки с колющим дном. На выставке имеются меццо-тинто, сделанные сплошь представительницами слабого пола: очевидно, мужчинам не особенно нравится заниматься довольно нудной ра-

ботой. Эта техника дает, как кажется, осязаемо бархатную поверхность, но дамы используют ее не совсем по назначению: на выставке имеются букеты, выполненные в «черной манере».

Ландыши — не единственный пример нецелевого использования офорта. Для изображения влюбленного козла (Goat in Love) вроде бы вполне достаточно рисунка, но Александр Вохменцев зачем-то выбрал офорт. Впрочем, и в этом можно отыскать «плюс», определив для себя, на что годится такая техника, а где ее применение противоречит здравому смыслу и попусту увеличивает энтропию Вселенной.

Международная галерея графики «Шлем»
/ до конца ноября